

Кобо
АБЭ

Вошедшие в ковчег

Роман

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-44
А 17

Kobo Abe
НАКОБУНЕ САКУРАМАРУ
Copyright © 1964 by Kobo Abe
Russian translation rights arranged with the estate of Kobo Abe
through Japan UNI Agency, Inc., Tokyo
All rights reserved

Перевод с японского Владимира Гривнина
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

ISBN 978-5-389-22826-9

© В. С. Гривнин (наследник), перевод, 1998
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2023
Издательство Азбука®

МОЕ ПРОЗВИЩЕ СВИНЬЯ ИЛИ КРОТ

Раз в месяц я отправляюсь за покупками на улицу, где находится префектуральное управление. Поездка туда на машине занимает не меньше часа, но мне бывают нужны такие вещи, как водопроводные краны, сменные ножи для электрического инструмента, крупногабаритные элементы питания, а достать все это в своем районе я не могу. Кроме того, не хочется встречаться со знакомыми. Ведь за мной по пятам следуют прилипшие ко мне прозвища.

Их два — Свинья и Крот. Мой рост — сто семьдесят сантиметров, вес — девяносто восемь килограммов, плечи покатые, руки и ноги короткие. Чтобы уродство фигуры не бросалось в глаза, я как-то попробовал надеть длинный черный плащ. Но мои надежды развеялись в прах, когда я оказался у недавно выстроенного здания муниципалитета, выходящего на широкую привокзальную улицу. Здание представляло собой черный каркас, покрытый черным стеклом, и было похоже на черное зеркало; идя со станции, я неизбежно должен был проходить мимо него. Мое отражение в стекле напоминало заблудившегося китенка или выброшенный на помойку старый мяч для регби. Смотреть, как в этом зеркале

искажается улица, было занятно, но сам я выглядел убого. К тому же с наступлением жары складку на моем двойном подбородке заливает пот, и легко появляется опрелость. От этого я плохо сплю — подбородок не остудить о каменную стену, как это можно сделать со ступнями или лбом. Так что в жару и плащом не воспользуешься. С каждым разом становится все труднее заставить себя выйти из дому.

Если меня называют по прозвищу, то Свинье я все же предпочитаю Крота. Это не так обидно и точнее передает мою сущность. Вот уже три года я живу в норе. Я называю ее норой, но это не крохотное обиталище крота. Речь идет о заброшенной каменоломне, состоящей из пересекающихся под прямым углом разрезов, где раньше добывали строительный камень. В каменоломне более семидесяти помещений, начиная с огромных залов величиной с крытый стадион и кончая небольшими выработками, оставшимися после разведочной добычи, которые идут в разных уровнях и направлениях и связаны между собой лестницами и ходами, — настоящий подземный город, где могут разместиться тысячи людей. Разумеется, в этом городе не проложены водопроводные трубы и линии электропередач. Нет в нем ни магазинов, ни полицейских постов, ни почтовых отделений, нет и жителей — лишь я один. Так что я, в общем, не возражаю, чтобы меня звали Кротом, — пока не придумали что-нибудь получше.

Я взял за правило, отправляясь в город, обязательно брать с собой две вещи: ключи от входа в каменоломню и карточки размером с визитную, на обороте которых начерчен план, как добраться до моего убежища. А на лицевой стороне значится: «Билет на корабль. Сертификат на право выжить». В конце

прошлого года я изготовил тридцать пять кожаных футляров и вложил в каждый по ключу и карточке. Обычно я кладу в карман брюк три штуки. Чтобы не упустить случая пригласить на корабль достойного человека, если такого встречу. За последние полгода мне ни один не попался, хотя я старательно ищу.

Подготовка к отплытию в основном завершена, и теперь наступил этап, когда без помощи экипажа уже не обойтись. Набор команды стал делом перво-степенной важности. Но я не собираюсь раскрывать объятия первым встречным. Ведь в качестве вознаграждения экипаж получает жизнь, цену которой невозможно перевести на деньги. Я не сомневаюсь, что от претендентов отбоя не будет. Проблема видится мне в другом — как избежать давки, когда нахлынут желающие. Возможно, это просто предлог не выходить наружу, но меня не оставляет предчувствие: даже если я и не буду особенно стараться, разыскивая настоящих товарищей, они сами придут ко мне без всякого зова. И тем не менее хотя бы раз в месяц, даже если мне ничего не нужно покупать, я считаю своим долгом выезжать в город, чтобы потолкаться среди людей, присмотреться к ним.

Обычно я использую автостоянку около городского парка. Она открытая, недорогая и всегда полупустая. Но сегодня я решил оставить машину в подземном гараже привокзального универсама. Меня привлекло оригинальное объявление, свисавшее с крыши магазина: «Торговля невиданными товарами. Выставка-распродажа фамильных ценностей». Меня заинтересовало слово «невиданными», и, кроме того, интересно было взглянуть на людей, которые соберутся здесь. Я вошел в универсам. Диктор, приглашающий покупателей, без конца повторял,

что в распродаже, устроенной на крыше, участвуют непрофессионалы, каждый продает принадлежащие ему диковинные предметы. Видимо, любопытство охватило не одного меня — почти все поднимались до самого верха. Я вышел из лифта; открытые лотки — их было больше сотни — выстроились рядами, образовав своеобразный лабиринт. И в этом лабиринте одни чуть ли не бегом метались от прилавка к прилавку, другие еле передвигали ноги — невообразимая толчея еще больше усугубляла духоту, какая обычно бывает в конце дня.

Держатель для ключей «птичий коготь».

Оставшиеся в наследство от отца машинка для набивания папиросных гильз и допотопная зажигалка с фитилем.

«Медвежья подтирка». Нечто, напоминающее высушенные морские водоросли. (Видимо, один из видов омелы, но даже сам продавец не знал толком, на что она может пригодиться.)

Картонная коробка, набитая пружинами и колесиками.

Около сотни лошадиных зубов.

Точилка для бамбуковых граммофонных игл.

Две круглые лепешки китовых экскрементов диаметром тридцать сантиметров.

Стеклянные гвозди.

Мазь из Сингапура для смазывания хобота слона при простудах.

Окровавленные сигнальные флажки, которыми пользовались (якобы) во время сражения в Японском море.

Кольцо (безразмерное) с пластмассовой шариковой ручкой.

Аппарат с микропроцессором для нормализации сна, прикрепляемый к щиколотке и стимулирующий пульс.

И тут я увидел юпкетчера.

Примерно в середине лабиринта находился лоток, на котором были выставлены насекомые. Видимо, продавец рассчитывал на летние задания школьников, но среди насекомых не было ни бабочек, ни огромных жуков-носорогов, которые могли бы порадовать детишек, — в центре прилавка лежало несколько десятков небольших коробок, величиной с сигаретную. Сделанные из пластика, они казались пустыми. На этикетках из фольги было напечатано: «Юпкетчер», а чуть ниже, в скобках, добавлено японски: «Жук-часы».

Коробки казались пустыми потому, что насекомые были слишком маленькими для них. Они ползали в какой-то шелухе и выглядели ничтожными козявками, которые и названия-то не заслуживают. Столь же непримечательным был и продавец. Мрачный человек в очках, стекла толстые, похожи на донышки бутылок, и лишь форма его черепа привлекала внимание. Возле него уже стояли покупатели. Двое — мужчина и женщина — вертели в руках коробки, разглядывали содержимое и внимательно слушали объяснения продавца. Заинтересовавшись, я остановился. В долетевшем до меня слове «юпкетчер» чувствовалось нечто надежное, притягательной силой обладало и название «жук-часы».

На эпитямском языке «юпкетчер», как объяснял продавец, означает не только название насекомого, но и слово «часы». Длина жучка полтора сантиметра, он принадлежит к семейству пластинчатоусых, тело

черное, с коричневыми полосками. Других особых примет не имеет, разве что отсутствие лапок. Они атрофировались, так как насекомое, питаясь собственными экскрементами, избавлено от необходимости передвигаться. На первый взгляд может показаться сомнительным, что едой юпкетчера служат экскременты, представляющие собой отходы уже переработанной организмом пищи, но дело в том, что поглощение идет чрезвычайно медленно. И за это время размножившиеся бактерии успевают превратить экскременты в питательные вещества. Опираясь на круглое брюшко, напоминающее формой днище корабля, юпкетчер с помощью длинных крепких усиков беспрерывно поворачивается влево, ест и одновременно испражняется. Экскременты образуют точное полукружие. Начиная есть с рассветом, насекомое завершает еду с заходом солнца и засыпает. Голова юпкетчера всегда обращена к солнцу, его можно использовать как часы.

В прошлом местные жители не пользовались механическими часами. Им было трудно привыкнуть к движению времени вправо, а вращение стрелок, разбивающих день на равные доли вне зависимости от положения солнца, казалось им слишком уж примитивным и не внушающим доверия; даже теперь обычные часы они называют «юпкену», то есть «не-юпкетчер», чтобы отличать их от настоящего юпкетчера.

Видимо, юпкетчер, помимо практического применения, обладает еще чем-то, что привлекает к нему людей. Наверное, почти полностью замкнутая экологическая система успокаивает исстрадавшиеся сердца. Постояльцы единственной на острове гостиницы «Юпкетчер», обнаружив у стены дома или между

камнями, которыми вымощен двор, юпкетчеров (такой сервис — изобретение хозяина), замирают как вкопанные. Сохранилось даже предание о человеке, занимавшемся часовым бизнесом (существует две версии: по одной — это был рекламный агент-японец, по другой — владелец часового завода из Швейцарии), который, вооружившись лупой, изо дня в день рассматривал юпкетчеров, и дело кончилось тем, что он, рехнувшись, набил рот собственными испражнениями и умер. Разумеется, эта история выдумана для привлечения постояльцев, но мне захотелось поверить в нее.

Местные жители не так уж увлечены своими юпкетчерами. Когда наступает сезон дождей и туристы покидают остров, способность бактерий восстанавливать питательность испражнений начинает снижаться и движение времени замедляется. А раз в год, в период спаривания, юпкетчеры, служащие стрелками очерченных экскрементами циферблатов, взлетают с них в воздух, и время вовсе умирает. Оплодотворенные самки, махая перепончатыми крылышками, точно состоящими из мыльных пузырьков, неловко летают над самой землей и, выискивая остатки старых испражнений, откладывают в них яйца. Так замыкается экологическая цепь, и время становится невидимым.

Однако нельзя думать, что жители острова вообще отвергают время как таковое. Они понимают, что рано или поздно оно возродится.

Так я узнал, что существует насекомое, очень похожее на меня. Можно было предположить, что продавец издевается надо мной. Но ведь он видел меня впервые.

— Гляди-ка, такие козявки, а сердитые.

Мужчина-покупатель причмокивал языком, точно во рту у него была сушеная слива. Слюны полон рот. Спутница смотрела на него снизу вверх и, казалось, сосала леденец. Я подумал, что у нее, наверное, наоборот, часто сохнет во рту.

— Давай купим одного. Смотри, какой хорошенький.

Приятная, светлая улыбка — когда она улыбнулась, уголки рта чуть запали. Мужчина гордо вскинул подбородок и театральным жестом вытащил бумажник. Я тоже сразу же решил купить. В этом жучке я почувствовал что-то родное, словно вдохнул запах собственного пота. Если бы меня самого накололи на булавку, я бы превратился в весьма выразительный экспонат, не хуже юпкетчера. Двадцать тысяч — сразу и не сообразишь, дорого это или дешево, но у меня возникла уверенность: я обнаружил то, что давно разыскивал.

Юпкетчер лежал в коробке из прозрачного пластика, висевшей на двух натянутых крест-накрест нейлоновых нитках. Видимо, это сделали специально, чтобы жучка можно было рассмотреть со всех сторон. Если бы не остатки атрофированных конечностей, юпкетчера невозможно было бы отличить от обычного майского жука, которому оторвали лапки.

Вслед за мужчиной и женщиной я тоже заплатил и получил коробку, которую продавец посыпал сверху и снизу порошком, поглощающим влагу. Положив покупку в карман, я испытал такое блаженство, словно надел комнатные туфли.

— Интересно, сколько вы сегодня продали?

Возможно, мой вопрос показался продавцу бестактным, во всяком случае, он ничего не ответил.

Толстые линзы мешали увидеть выражение его глаз. То ли он действительно не расслышал, то ли сделал вид. Ветер разносил громкую бравурную музыку.

— Не знаю, существует ли на самом деле остров Эпитям, вернусь домой, сразу же загляну в атлас... Может, вы меня просто разыграли.

На эти слова тоже ответа не последовало. Если розыгрыш, то очень уж ловок, ничего не скажешь. Я решил не задавать новых вопросов.

МОЖНО НАРИСОВАТЬ ЮПКЕТЧЕРА И СДЕЛАТЬ ЕГО СИМВОЛОМ НАШЕЙ ГРУППЫ

В глубине торговых рядов было оборудовано место для отдыха — небольшое возвышение под тен-том. Когда здесь устраивались концерты на открытом воздухе, оно, видимо, служило сценой. Рядом с прилавком, где можно было купить кофе гляссе и гамбургеры, торговали сладкой бобовой пастой со струганным льдом. Я заказал одну порцию. Сквозь сетку, ограждавшую крышу, пыльные ряды домов внизу казались обрывками старой рыбачьей сети. Вот-вот начнется дождь — вершины далеких гор заволокло темными тучами. Шум тысяч автомобильных моторов таял высоко в небе и, смешавшись с музыкой, несшейся из универмага, задышался, как усталое лягушачье кваканье.

Плошка со льдом приятно холодила ладони. Все больше покупателей направлялось к выходу, но почти все места в закуской были заняты. Я увидел свободный стул у столика, за которым сидел студент в темно-синей спортивной майке с напечатанными на ней белой краской буквами РО-РО-РО (я определил, что он студент, по длинным волосам, закрывавшим тонкую шею, и налитым кровью сердитым глазам). Он сидел, склонившись к миске с китай-

ской лапшой, я попросил разрешения подсесть. Студент отправил в рот ложку лапши с горошинами льда и так резко поднял голову, что захрустели позвонки. Видимо, мой пристальный взгляд ему не понравился. Оценивающе смотреть на людей — дурная привычка, появившаяся у меня с тех пор, как я стал носить с собой «билеты на корабль». Я ведь для того и покидаю раз в месяц свое убежище, чтобы с предельной осмотрительностью подбирать нужных мне людей.

— Откопали какую-нибудь диковину?

— Какое там. — Затолкав в рот свисавшие с губ лапшинки, студент продолжал со злостью: — Все, что здесь выставлено, только и годится, чтобы детей дурачить.

— Юпкетчер тоже?

— Что?

— Юпкетчер...

Я достал из кармана прозрачную коробку и показал ему.

— Насекомое. Левый лоток примерно в середине второго прохода от конца. Не обратили внимания?

— Какое-то особое насекомое, что ли?

— Один из видов пластинчатоусых. Лапки атрофировались, он все время вращается на одном месте, как стрелка часов, и питается собственными экскрементами.

— Ну и что?

— Разве не занятно?

— Ничего особенного.

Не подходит.

Юпкетчер представляется мне символом, отражающим некую философию или, по крайней мере, идею. Перемещение по кругу не может рассматри-

ваться как истинное движение. Важно, что при этом сохраняется внутренний покой. Вот почему можно будет нарисовать юпкетчера и сделать его символом нашей группы. Изобразить жучка лучше не со стороны брюшка, а со спинки. Брюшко все в бороздках, как у сушеного кузнечика. А спинка представляет собой два эллипса и легко сойдет за эмблему. Неплохо, если она будет похожа на марку BMW. BMW — самый лучший в мире автомобиль по своим техническим характеристикам. Место, где я помещу юпкетчера, тоже определено — одна из полок над унитазом, сидя на котором я обычно работаю. На этой полке лежат все вещи, предназначенные для моих путешествий. Я усмехнулся. Приравнять юпкетчера к вещам, необходимым в путешествии, — от этой мысли даже настроение улучшилось.

Студент встал и ушел с недовольным видом. Я не собирался его удерживать. Одна его бесстрастная манера есть лапшу ясно говорила о том, что он недостаточно серьезно смотрит на жизнь. В дальнейшем отношении к юпкетчеру, пожалуй, сможет послужить своего рода тестом при отборе кандидатов в члены экипажа. Отсутствие хотя бы самого незначительного интереса к насекомому, напоминающему стрелку компаса, которая вращается, очерчивая окружность, именуемую земным шаром, явится свидетельством недостаточной остроты восприятия.

Но зато к тем двоим, купившим юпкетчера до меня, я все еще испытывал теплое чувство. Куда, интересно, они ушли? Именно их следовало бы подвергнуть экзамену на пригодность. Всегда-то я опаздываю. Правда, о том, что объектом проверки не стал мужчина, особенно жалеть не стоит. Какой-то он

беспокойный, точно в голове у него скачет шарик от пинг-понга. Вряд ли такой выдержит «кротовью жизнь». А вот женщина — другое дело. Испытать ее в качестве кандидата, безусловно, стоило бы. Ведь именно она захотела купить юпкетчера. Первый член команды — женщина. Хорошее предзнаменование. Охлаждая горошинками льда рот, я с сожалением думал об упущенной возможности. Почему я сразу же не заговорил с ними? Теперь между нами уже могла бы возникнуть духовная близость. Вопрос — в каких они отношениях. Муж и жена? Возможно, и нет. Если они муж и жена или что-то вроде этого, особых надежд питать не стоит. Юпкетчер принадлежит миру одиноких, тех, кто разговаривает сам с собой. Женатые пары такой товар не покупают. Правда, супругов, напоминающих чужих друг другу, больше, чем посторонних людей, похожих на супругов.

Надо идти. Облагодетельствованный приобретением юпкетчера, я ничего больше не желал. В такой ветреный день спускаться в темноте на машине к уходящему в море скалистому мысу не рекомендуется. От соленых брызг автомобиль быстро начинает ржаветь.

К освободившемуся после ухода студента стулу подошел человек. Огромная голова, очки в массивной оправе, землистый цвет лица... Продавец насекомых. Он развернул пакет с бутербродами, пододвинул стул. На меня — никакого внимания.

Свободных мест мало, поэтому появление его именно за моим столиком не такая уж невероятная случайность. Он старательно жевал свернутые трубочкой ломтики хлеба, запивая их кофе из бумажного стаканчика.

— Устроили себе перерыв?

Продавец насекомых перестал жевать и глянул на меня исподлобья:

— Вы это мне?

— Не помните меня? Я у вас только что купил юпкетчера.

В течение нескольких секунд он, не раскрывая рта, пристально смотрел на меня через очки с толстыми, чуть ли не пуленепробиваемыми стеклами. Он как будто чего-то опасался. Может быть, того, что я Свинья? Полноту обычно связывают с тупостью. Люди противоположного пола тебя сторонятся, а того же — просто игнорируют. Полнота мешает даже при устройстве на работу. Диспропорция масс тела и мозга вызывает ассоциацию с китом или динозавром. Да и я терпеть не могу жирных и не люблю разговаривать с ними, хотя сам такой.

— Он вам не по вкусу, что ли? — настороженно спросил продавец.

Не могу сказать, что я полностью поверил его рассказу о юпкетчере. Но мне не хотелось разочаровываться, поэтому я не желал выслушивать никаких признаний и поспешил сказать:

— Ничего подобного, наоборот, он мне понравился. Заставляет над многим задуматься. Правда... Вы сами их собирали? Сейчас, когда разрушается окружающая среда, насекомые постепенно исчезают. Я слышал, что есть люди, которые специально занимаются их разведением.

— Есть. Действительно, находятся прямо-таки фокусники, которые разводят насекомых не просто давая им корм, но и с помощью клея и пинцета.

— Сколько всего вы их продали? — Лучше перевести разговор на более безопасную тему.

- Одного.
 - Да бросьте вы.
 - Если хотите вернуть, пожалуйста.
 - Зачем?
 - Я же вижу, что вы недовольны.
 - Но, кажется, передо мной еще кто-то покупал?
 - Нет, никто.
 - Да покупали же. Помните, двое...
 - Я вижу, вы простак. Это же подставные покупатели, обыкновенные зазывалы.
 - На зазывал они не похожи.
 - У них с универмагом что-то вроде соглашения, так что они не просто жулики. А бабенка ничего, верно? С такой в паре нетрудно обвести покупателя вокруг пальца.
 - Наверное, — согласился я.
 - Да, бабенка что надо. И пройдоха, каких мало...
 - Я как-то в газете видел новейшую классификацию по типам, всего их насчитывается пять: мать, хозяйка, жена, женщина, личность... Как вы думаете, к какому типу принадлежит эта?
 - Меня классификации не интересуют.
 - Однако эта классификация — результат специальных исследований телеграфно-телефонной компании. Метод разработан на основе анализа рынка и вполне заслуживает доверия.
 - Вы действительно в это верите?
- Над самыми нашими головами пролетела стайка воробьев. И, словно гонясь за ними, крышу обволокли дождевые тучи. Навесы над лотками затрепетали на ветру, покупатели уже готовы были бежать. Некоторые продавцы стали сворачивать торговлю. То ли распродали свой товар, то ли потеряли надежду, что его купят.

— Вам, пожалуй, лучше вернуться к себе. Того и гляди, дождь пойдет.

— А я уже закончил торговлю.

Продавец насекомых наколол на вилку тонкие ломтики ветчины и помидора и улыбнулся. Открытая детская улыбка очень шла ему.

— Не нужно терять надежды. Товар, о котором можно только мечтать. Вдруг продадите еще парочку.

— Странный вы человек, что это за торговля?..

Продавец насекомых погладил голову мохнатыми пальцами. Растрепанные волосы точно прилипли к коже, и стало еще заметнее, какой у него непомерно большой череп.

К лотку, расположенному рядом с закусочной, подошел покупатель. Здесь продавался универсальный вибратор. Это устройство имело форму эллипса и было оснащено объемными насадками, как у электродрели. В том числе чесалкой для спины, зубной щеткой, губкой для лица, массажной щеткой для волос, резиновыми шариками для растирания плеч, маленьким молоточком. В самом деле — полезное изобретение. Но не было в нем очарования мечты. На лотке выставили лишь образец — следовало заплатить наличными десять процентов стоимости и оставить заказ с указанием адреса и фамилии, в течение недели покупка доставлялась на дом — условия несколько подозрительные. Непонятно, на что здесь могли клюнуть покупатели.

— Противоположность мечты — прагматизм, — кивнул я на соседний лоток.

— Это мошенничество на дилетантском уровне. Но слишком несуразные предметы для торговли тоже не годятся. Лучше всего подбирать бытовые,

Абэ К.

А 17 Вошедшие в ковчег : роман / Кобо Абэ ; пер. с яп. В. Гривнина. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. — 384 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-22826-9

Кобо Абэ — один из самых блистательных писателей Японии, звезда послевоенного японского авангарда; по оценке другого известного японского автора Кэндзабуро Оэ, он — крупнейший писатель за всю историю литературы. Книги Кобо Абэ читают по всему миру, по ним снимают фильмы и ставят спектакли. Продолжатель традиций Достоевского, Эдгара Аллана По, Франца Кафки и Альберто Моравиа, предтеча Харуки Мураками, в каждом своем романе он творит сюрреалистическую реальность, которая переформатирует читательскую картину мира, искажает — или проясняет — читательские призмы восприятия и всякий раз совершенно ошеломляет. Его роман «Вошедшие в ковчег» — гротескная история о людях в преддверии апокалиптической катастрофы, о паранойе и одиночестве, надежде на спасение и невозможности спастись.

УДК 821.521

ББК 84(5Япо)-44

Литературно-художественное издание

КОБО АБЭ
ВОШЕДШИЕ В КОВЧЕГ

Ответственный редактор Анастасия Грызунова
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Людмила Дубовая, Валентина Гончар
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 03.04.2023. Формат издания 76 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 16,92.
Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

Отпечатано в Акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompr.ru, тел.: (49638) 20-685

Y-VAK-31771-01-R